

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	49
Глава 4	67
Глава 5	87
Глава 6	108
Глава 7	131
Глава 8	152
Глава 9	173
Глава 10	193
Глава 11	214
Глава 12	238
Глава 13	261
Глава 14	277
Глава 15	298
Глава 16	320
Глава 17	337
Глава 18	357
Глава 19	376
Глава 20	395

Глава 1

Наступил июль, и в общежитии не осталось почти никого. Студенты сдали экзамены и разъехались по домам, абитуриенты еще не приехали, и ректор института дал коменданту общежития указание — отключить электричество на некоторых этажах и газ на кухнях, чтобы сократить счета за коммунальные услуги. Теперь это большое пятиэтажное здание стояло по вечерам темным и казалось нежилым. И все-таки в нем жили.

В общежитии скрывались те немногие студенты, которые по каким-то причинам не могли уехать домой — держала работа в Москве, не было денег на дорогу, или же просто никто их дома не ждал. Ректор ничего о них не знал, а то бы немедленно выселил прочь. «Летом пусть сидят дома! — категорически заявлял он. — Они в Москве только для того, чтобы учиться!» И ребята тщательно прятались от него. Конечно, в общежитии сидел вахтер, но в конце концов он тоже был человек и за бутылку водки в неделю соглашался докладывать ректору, что посторонних в здании нет. Вахтеров было двое: один дежурил днем, другой — ночью. Это были молодые парни, и студенты с ними ладили.

Вечером второго июля на всех этажах общежития было пусто. Первый этаж был сдан в аренду банку, на втором помещалась фирма, торговавшая обувью, на третьем эта-

же располагались комнаты кастелянши, коменданта, комнатка, где спали по очереди вахтеры, а также паспортистка. Остальные помещения на третьем этаже занимали студенты-заочники во время сессий, но сейчас их, конечно, не было. Четвертый этаж тоже совсем опустел — немногие студенты, которые остались в здании на лето, предпочитали поселиться неподалеку друг от друга и пользовались для этого комнатами своих знакомых на пятом этаже. Вот там-то, на кухне, и разговаривали две девушки. Одна присела на отключенную газовую плиту и курила, пуская дым в потолок, другая стирала в раковине белье и злобно говорила:

— Свинья наш ректор! Жалко ему, что мы тут проживем! Отрубить свет — надо же догадаться!

— Ну-ну, — меланхолично вздыхала ее подруга, выпускающая толстую струю дыма из накрашенных губ. — Чего удивляешься, он иногородних за людей не считает! А между прочим, сам, как и ты, — из Рязани... Только предпочитает об этом забыть... Но ты, Наташка, тоже хороша...

— Что? — злобно откликнулась та.

— А то... Сколько можно тянуть? Когда на аборт ляжешь?

— Когда смогу... — убито ответила Наташа, бросая белье и вытирая лоб мокрой рукой. Это была совсем молоденькая девушка — пухленькая, хорошенькая, с детским взглядом прозрачных голубых глаз. Она была одета в старый фланелевый халатик, под которым уже явственно выделялся живот. — Я не хочу, Марина, пойми! Страшно...

— А чего ты хочешь? — прищурилась та.

— Искусственные роды... — жалобно сказала Наташа.

— Да, немного тебе надо для счастья... — фыркнула Марина. — Езжала бы ты домой да сказала все матери. Не убьет она тебя!

— Она — нет... — хмуро ответила Наташа. — А если отчим узнает...

— Отчим... Его дело — сторона. Ведь не отец!

— Он ко мне и так жутко относится... — Наташа снова принялась за белье, яростно терла его в тазике, русая коса упала в воду, и Наташа в ярости отбросила ее за спину. — Убьет, если узнает... Ну а потом, сама подумай... Рязань — город небольшой, пойдут слухи, мать от позора умрет...

— Да что у тебя за трагедии такие! — возмутилась подруга. — Умрет, убьет... Покричат и успокоятся... А ты спокойно сделаешь свое дело в больнице... Ну а вдруг осложнения? Кто к тебе в больницу-то придет?

— Да ты хотя бы...

— Я тебе даже апельсин не смогу принести... — проворчала Марина. — На сигареты не хватает, домой поехать не могу, а до Челябинска двое суток... Пешком не побежишь. Я бы на твоём месте нашла этого сволочного папашку... — она кивнула на живот Наташи, — и отпинала как следует...

— Ты бы нашла, а я... — У Наташи вдруг задрожали губы, она бросила белье и отвернулась к окну. — Я даже если бы его увидела, ничего бы не сказала...

— Любишь, что ли? — издевательски поинтересовалась Марина.

— Ненавижу! — Наташа не отрывала глаза от окна. — Ненавижу. И знала ведь, что женат, что ребенок у него, зачем я это сделала?

— Точно. Зачем тебе был нужен этот араб? Он ведь даже никогда не мылся... Не противно было?

— Тогда — нет, — коротко ответила Наташа. — А теперь — да.

Марина тихонько запела, покачивая ногой и щуря густо подведенные глаза. Потом оборвала пение и спросила:

— Сегодня посидим у Пашки? Он собрался стол устроить... Нашел новую работу на автостоянке.

— Не пойду.

— Это почему?

— Так... — Наташа пожала плечами и вылила мыльную воду из таза. — Мне не до гулянок... Спрятаться бы у себя

в комнате до самой больницы, чтобы никого не видеть и не слышать...

— Напрасно, — вздохнула Марина. — Чем больше будешь убиваться, тем меньше толку... Что ты теперь — не человек? Пить можешь спокойно, все равно рожать не станешь... Этому ребенку все равно, он заранее мертвый.

— Замолчи!

— Почему? — Марина оскорбленно поджала губы. — Ты из себя недотрогу не строй. Я тоже аборт делала, только в отличие от тебя не на шестом месяце. А это пузо... Тьфу, смотреть не могу!

Наташа собрала отжатое белье в таз, подхватила его и молча вышла из кухни. Ее комната была в самом конце коридора, она торопливо вошла и заперлась изнутри, оставив ключ в замке. Бросила таз на пол и разрыдалась.

Плакала она долго, горько, и было ей как никогда больно и одиноко в этой грязной общаге, в комнатке с ободранными обоями, с невымытым окном и старой мебелью.

Потом Наташа вытерла слезы полотенцем, развесила белье на веревке, протянутой через всю комнату, напилась холодной воды из чайника и задумалась. Она прожила в Москве уже четыре года, но несколько раз в год обязательно ездила домой, к маме в Рязань. Билеты были недорогие, ехать недалеко, и какие-то деньги у Наташи всегда находились — мать давала да еще присылала с okazji продукты... Да, она хорошо устроилась в Москве! Как повезло с комнатой — полагалось селиться по двое, но соседка Наташи сразу переехала к сестре, которая давно жила в Москве, и приходила раз в полгода — оставить вещи или забрать... Учеба давалась легко — институт был гуманитарного профиля, и требовалось одно — много читать и грамотно писать... Во всяком случае, Наташе хватало этого, чтобы получать пятерки на экзаменах. Мать гордилась ею, и даже отчим, казалось, стал добрее — ведь падчерица сгнула с его глаз. Мальчишки? Нельзя сказать, чтобы Наташа ими совсем не интересовалась... Но все же

до каких-то пор она не переходила определенных границ — страх был слишком силен. Еще на первом курсе случилась с нею коротенькая любовная история, о которой она вспоминала как о странном сне — зачем все это было и к чему? Парня она не любила, да и он не говорил о безумной любви — она просто уступила ему, потому что вдруг стало лень отказываться... Закончилось все очень скоро и без всяких последствий. После этого она совсем успокоилась и решила даже, что следующим ее мужчиной будет только муж... И вот накануне последнего Нового года...

...Ариф тоже учился в этом институте. Правда, он уже закончил учебу и должен был уехать к себе на родину, в Сирию, но почему-то задержался в Москве. Наташа прекрасно знала его в лицо, знала имя, знала его жену — эта девчонка тоже жила в общежитии. Правда, они не были подругами, что немного утешало Наташу, когда она начинала проклинать себя в очередной раз. Наташе казалось, что Ариф не обращает на нее никакого внимания, и это ее совсем не волновало. Только тогда, накануне Нового года, вспомнила об этом и удивилась — она не могла понять, откуда теперь взялся такой интерес к ней... Ариф пришел в общежитие в гости к каким-то своим прежним друзьям. Наташа стряпала на кухне, собиралась пойти отмечать Новый год в комнату к подруге, хотела сделать салат и небольшой пирог с яблоками... Ариф вошел на кухню с сигаретой в руке, вежливо поздравил ее с наступающим праздником, закурил у окна и молча стал рассматривать ее. Потом спросил со своим мягким акцентом, на каком курсе учится Наташа, давно ли живет в общежитии? Давно? Тогда почему они раньше не встречались? Встречались? Не может быть... Наташа вспоминала, что почему-то сразу начала с ним кокетничать, хотя вообще кокеткой не была.

— Да вы просто на меня не обращали внимания, — заметила она, быстро кромсая ножом вареную картошку. — Кстати, как жена поживает? Ее, по-моему, Леной звать?

Ариф ничуть не смутился.

— А, вы знали Лену? — весело спросил он. — Да, она теперь в Питере у своих родителей. Мы развелись.

— Что?! — воскликнула Наташа. — У вас ведь ребенок!

— Этот ребенок не от меня. — Ариф вдруг потемнел лицом. — Я не хочу обидеть русских женщин, Наташа, но Лена оказалась...

Наташа не знала, что сказать. Теперь Лена вспомнилась ей довольно отчетливо. У этой девушки была великолепная спортивная фигура, смуглая кожа, живые серые глаза, длинные рыжеватые волосы... Она была веселая, оживленно болтала на кухне, когда готовила обед для Арифа, стойко переносила беременность, всегда нарядно одевалась — муж дарил ей много дорогих вещей, баловал, судя по всему, очень любил...

— Вы ничего не путаете? — осторожно спросила Наташа. — Я, правда, мало видела вашего ребенка, но по-моему, он очень на вас похож...

— А, Наташа! — Ариф махнул рукой. — Зачем об этом разговаривать? Вы где отмечаете Новый год?

— У друзей.

— А кто друзья?

— Они... — Наташа пожала плечами. — Да вот тут рядом по коридору.

— А что, если я вас приглашу к своим друзьям? — спросил Ариф. — Если хотите, приходите с подругами. Придете?

— Не приду, — фыркнула Наташа.

Она действительно не пришла к его друзьям, хотя знала, где они сидят. Поделилась с подругами новостью — никто не знал о разводе Арифа и Лены. Девчонки сочувствовали Лене, кто-то предложил позвонить ей в Питер после праздников... Бедняжка, осталась одна с ребенком!

Наташа в тот вечер мало думала о судьбе несчастной покинутой Лены — как-то не хотелось расстраиваться. Она чувствовала себя такой молодой, красивой, нарядной. Мать

прислала ей денег, и Наташа купила специально к Новому году новый костюм — очаровательный голубой костюм классического покроя. Все говорили, что Наташе он очень идет. Она соорудила прическу, подкрасилась, надушилась и теперь весело ела и выпивала в компании подруг, думая, что она, пожалуй, тут самая красивая...

В дверь постучались, и чинно вошли их приятели по курсу.

— Девочки, приглашаем к своему столу. Мы без вас есть и пить не станем. Дебоша не будет, не переживайте.

— Жаль... — Марина заиграла глазами. — А кто это там жметя за дверью?

— Это Ариф... Зайди, наконец! — И его почти втокнули в комнату. — Стесняется, видите ли...

— Меня не приглашали... — смущенно начал Ариф, глядя на Наташу, та хохотала во все горло — была уже довольно пьяна.

— Ну, так пригласят. Все, девчонки, давайте к нам!

Стол объединили в другой комнате. Водка полилась рекой, Ариф оказался рядом с Наташей и вежливо угощал ее. Он вообще был очень вежливым и воспитанным, этот худощавый смуглый парень в белой рубашке и хорошем костюме. Лицо у него было некрасивое, нос слишком большой, волосы чересчур курчавые, а вот его акцент Наташе даже нравился. Она охотно болтала с ним и поминутно спрашивала:

— Как же ты водку пьешь, мусульманин? Тебе ведь нельзя?

Они уже перешли на «ты».

— Когда я здесь, мне многое можно, — загадочно отвечал Ариф и опрокидывал очередную рюмку. Пил он лихо и почти не пьянел, зато Наташу развезло. За столом завязался неуправляемый пьяный разговор. Ариф вступил в него, успел с кем-то слегка поссориться, с кем-то поспорить о русской литературе, даже прочитал свои стихи в русском переводе — Ариф был поэтом... Наташа уже

плохо соображала, перед глазами все плыло, и ей очень хотелось в туалет, но Ариф отказывался выпускать ее из-за стола — как будто в шутку, но на самом деле он уже по-хозяйски держал ее за плечи, и она спьяну не сопротивлялась. Потом смутно помнилось, что разговор зашел о жене Арифа, Лене. Кто-то спрашивал Арифа о ней, а тот натянуто отвечал, что с ней все кончено, теперь он свободный человек... И при этом снова пожимал руку Наташе. Потом Наташа как-то внезапно оказалась у себя в комнате. Ариф сидел рядом с ней на постели и гладил ее колени, потом стал целовать... Она пьяно хихикала, не отвечая на поцелуи, не слушая его вопросов, потом лежала на спине и ее голубой пиджак валялся на полу. Совсем новый пиджак... Она больше думала о пиджаке, чем о том, что сейчас делает Ариф, потом уже ни о чем не думала...

После праздников Ариф некоторое время прожил в ее комнате. Разумеется, тайком от коменданта общежития — ведь он больше не был студентом. Наташа спрашивала, где он постоянно живет, чем занимается, где его вещи — у него был только тот костюм, в котором он встречал Новый год... Ариф отшучивался, но как-то затравленно, невесело... Потом исчез. Наташа обрадовалась этому — ей было очень неловко показываться на кухне, среди студентов были бывшие подруги Лены, и они смотрели на нее как-то странно... Ариф больше не появлялся, и она даже не думала его разыскать. А потом обнаружила, что беременна. Слишком поздно обнаружила — у нее было мало-кровие, и месячные приходили нерегулярно. Так она прозевала пару месяцев, и теперь живот ее потихоньку рос, а вместе с ним росла страшная тревога... Зимой она съездила к матери — на зимние каникулы. Тогда она еще ничего не знала, и потому не пришлось врать, изображая прежнюю беззаботную девочку. Теперь же она боялась показаться родным на глаза. Да и врать было бесполезно — живот сам сказал бы правду. В минуты отчаяния она стучала по нему кулаком — почему он так быстро растет?!

Обливалась слезами, похудела, под глазами показались синеватые тени, Наташу часто тошнило, она почти ничего не могла есть, с трудом заставляла себя сходить в загаженный туалет или в душ — запахи там были слишком уж густые и противные... Странно, как она раньше их не замечала... Подруги сочувствовали — Наташа не умела хранить тайны да и нуждалась в чьем-то совете. И ей посоветовала одна студентка, которая была опытнее других в подобных делах. На ее совести числилось уже пять абортотворений за три года жизни в общежитии.

— Вот что! — авторитетно сказала эта девушка заплаканной Наташе. — Никуда этим летом не езди. Соври матери, что нашла хорошую работу в Москве, и если уедешь, тебя прогонят... Ну, скажи, что журналистика или еще что-то, ты же будущий филолог... Мать только порадуется. Безопасный срок ты уже пропустила, тебя могут так искромсать... Я в последний раз, когда на операцию ложилась, едва живая встала... Чуть кровью не истекла. Подожди до шести-семи месяцев, а потом сделай искусственные роды. Для организма это лучше — тебя резать не будут, скоблить тоже, просто родишь мертвого ребеночка, и все.

Наташа в ужасе выслушала ее, но согласилась. А что ей было делать? Она согласилась бы на что угодно, только бы оттянуть немного срок этой страшной операции. Подруга предложила ждать, и Наташа покорно ждала. Тем временем все остальные девушки ее активно осуждали — аборт на таком большом сроке казался чем-то аморальным. Наташе стало даже легче, когда они все уехали на лето и в общежитии осталось всего шесть человек — она, Марина, еще одна девочка-татарка и трое парней, у которых была работа. У Марины не было денег, чтобы уехать домой, а татарке было не к кому ехать — та была круглой сиротой. Вшестером они маялись без света и без газа, заключили соглашение с вахтерами и бегали к ним на первый этаж кипятить на вахте чайник — там-то электричество было. Вечерами сидели при свечах — каждый у себя или все вме-